

**РАССКАЗЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ВЕТВИ
РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ О БЫЛОМ И НАСТОЯЩЕМ:
ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С З. Н. КОЖЕВНИКОВОЙ)**

Настоящая работа посвящена анализу рассказов-воспоминаний русской реэмигрантки из Китая в Австралию – З. Н. Кожевниковой.

Цель статьи – проанализировать тематическое и лексическое своеобразие рассказов представительницы австралийской ветви русской восточной эмиграции.

Новизна работы заключается в том, что в научный оборот введен редкий лингвистический и историко-культурный материал – записи устной речи русской реэмигрантки из Китая в Австралию, выявлены тематические и лексические доминанты ее рассказов о былом и настоящем.

Ключевые слова: русский язык, русский язык зарубежья, австралийская ветвь русской восточной эмиграции, устная разговорная речь, тематические группы, лексические единицы.

A. S. Lavrina

Tomsk, National Research
Tomsk Polytechnic University

**STORIES OF THE REPRESENTATIVES OF THE EASTERN BRANCH
OF RUSSIAN EMIGRATION IN AUSTRALIA ABOUT THE PAST AND PRESENT:
THEMATIC AND LEXICAL ORIGINALITY
(BASED ON INTERVIEWS WITH Z. N. KOZHEVNIKOVA)**

The article is devoted to stories of representative of the eastern branch of Russian emigration in Australia – Z. N. Kozhevnikova.

The purpose of the article is to analyze the thematic and lexical originality of the eastern branch of Russian emigration.

The novelty consists in the rare linguistic and historical-and-cultural material – the recorded interviews with Russian re-emigrants from China to Australia, thematic and linguistic units of her stories about the past and present are revealed.

Keywords: the Russian language, the Russian language of the eastern abroad, conversational speech, thematic groups, linguistic units.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.9

Русское восточное зарубежье имеет свои особенности по сравнению с западным. Так же как и в западном варианте эмиграции из России, наибольший поток беженцев пришелся на послереволюционное время, но в восточном варианте беженцы попадали в обустроенный

русскими город Харбин в Китае, основанный в 1898 г. «В Китае до прихода японцев русские чувствовали себя свободными гражданами, жили русской жизнью, не испытывая притеснений или преследований» [1, с. 188].

Длительное существование русскоязычной диаспоры в Китае, в частности, в Харбине, привело к тому, что их русский язык приобрел свою собственную языковую специфику. Исследованию русского языка восточного зарубежья посвящены работы С. В. Гордеевой [2], Е. А. Оглезневой [3], Г. М. Старыгиной [4], Л. М. Шипановской [5]. Анализ языка русских эмигрантов в Австралию осуществлен в работах Н. В. Райан [6], А. Н. Анцыповой [7].

Объектом исследования в статье выступают рассказы-воспоминания русской реэмигрантки из Китая в Австралию – З. Н. Кожевниковой, представляющей австралийскую ветвь русской восточной эмиграции.

Цель статьи – проанализировать тематическое и лексическое своеобразие этих рассказов.

Новизна работы заключается в том, что в научный оборот введен редкий лингвистический и историко-культурный материал – записи устной речи русской реэмигрантки из Китая в Австралию. Материалом исследования послужило интервью с Зоей Николаевной Кожевниковой – представителем русской реэмиграции из Китая в Австралию, записанное в 2013 г. в г. Сиднее.

Зоя Николаевна Кожевникова родилась в Харбине в начале 1950-х гг. Дед по линии отца Зои Николаевны – Иоанн Калистратович Попков – родился в 1906 г. в г. Благовещенске. Был священником, служил в Свято-Никольской церкви. Бабушка по отцу Зои Кожевниковой – Анна Петровна – родом из Польши.

Семья отца Зои Николаевны эмигрировала из г. Благовещенска в Харбин в 1921 г.:

Семья была большая / попали / значит / они значит в Харбин уже в двадцать первом году / и жизнь для беженцев в Харбинé была нелёгкая // Эм / я думаю / с удовольствием / и с такими радостными красочными воспоминаниями / Харбин в основном вспоминают те / кто попали туда до / революции / при постройке КВЖД [кавэжэдэ]//.

Семья матери бежала из России в 1924 г. Прадед отступал с Первым Кубанским походом («Ледяным походом») Добровольческой армии под командованием Л. Корнилова [8, с. 86]:

... а прадед мой со стороны мамы отступал с Колчаком / с ледяным походом // Они пришли в Харбин только в том / что было // Ни вещей / ни драгоценностей / документы / частично утерянные //.

Мать Зои Николаевны имела польские корни, и родители З. Кожевниковой с ней и ее сестрой Тамарой из Харбина уехали в Польшу:

Так как на нашу долю выпало с сестрой тоже очень много скитаний по разным странам / эм / мы нигде / подолгу не / задерживались / родители в поисках лучшей / как бы участи / для своих детей / из Харбина попали в Польшу / так как мама у меня частично полька по отцу //.

В Польше семья З. Н. Кожевниковой проживала недолго: в 1958 г. родители Зои Кожевниковой с детьми переехали в Новосибирск:

Эм / потом / из Польши / брат старший папы / также рождённый в Благовещенске / уговорил нас приехать в / в Новосибирск // Пожив там / мы поняли / что конечно / в то время / э / с / н[и]сят восьмом году / это было еще не время для возвращения эмигрантов //

Родители не смогли «приспособиться» к жизни в России. В 1962 г. семья принимает решение эмигрировать в Австралию:

Папа с мамой были из тех людей / которые / знаете / не умели приспособливаться к обстоятельствам // Путь был только прямой / и влять туда-сюда не приходилось // Я не хочу сказать / что другие это делали / боже упаси / просто у каждого свой путь был // И в ш[и]сят втором году / когда они поняли / что / русские мигранты там / в тот момент еще не нужны были / они решили вернуться в Польшу // Опять-таки / Польша для русского / особенно православного человека / не была в то время гостеприимным домом / кстати она и сейчас не является им //

В настоящее время Зоя Николаевна проживает в Австралии, является председателем Русского Этнического Представительства в Сиднее.

Зоя Николаевна Кожевникова представляет 3 поколение русской эмиграции в Харбине и 1 поколение – в Австралии. Она прожила в Австралии 51 год (на момент записи интервью). Устная речь Зои Николаевны представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка.

Вопросы интервью побудили З. Н. к воспоминаниям о событиях прошлой жизни, переживавшимся рассказами о сегодняшнем дне, о текущей жизни.

Тематический диапазон в интервью с Зоей Кожевниковой достаточно широк. Нами выделены следующие гипертемы в ее рассказах:

1. «Харбин». О Харбине Зоя Николаевна рассказывает преимущественно со слов своих родителей:

Они пришли в Харбин только в том / что было // Ни вещей / ни драгоценностей / документы / частично утерянные // И / если даже сказать не в недостатке / то / в больших / во многих случаях / также как и наша семья / даже жили в ниществе / занимались любой работой / несмотря на своё / прошлое / происхождение / никакой работы не гнушались / только это был вопрос выживания уже //

Наиболее частотными микротемами внутри гипертемы «Харбин» являются следующие: «Эмиграция родителей в Харбин», «Жизнь родителей в Харбине».

2. «Россия». В России, в городе Новосибирске, Зоя Николаевна прожила 4 года. Знакома она со страной не только по личному опыту, но и по рассказам родителей. Прожив большую часть своей жизни в эмиграции, Зоя Николаевна Кожевникова всю жизнь Россию считала своей Родиной:

Это / в нас было вложено уже с воспитанием / что Россия / это / наша родина / многострадальная // То / что по воле судьбы / мы оказались в лучших / в лучшей жизни / это не значит / что мы чем-то лучше // Это значит / что мы должны стараться / э / отдать России то / и людям / то что сами получили // Вот //

В состав гипертемы «Россия» в рассказах З. Н. Кожевниковой входят микротемы «Благовещенск (по воспоминаниям отца)», «Религия в России», «Жизнь в Новосибирске».

3. «Австралия» – гипертема, которая наиболее широко представлена в рассказах-воспоминаниях Зои Кожевниковой. В Австралии Зоя Николаевна прожила на момент интер-

вью с ней 51 год. Рассказывая о жизни в Австралии и анализируя своё отношение к этой стране, Зоя Николаевна часто прибегает к сравнениям с жизнью в Харбине, сожалеет о невозможности жизни в России.

Э / в Австралии / конечно / трагичных я судеб не знаю // В Харбинé было много трагичны / трагичных / потому что это было только на / начало эмиграции // Также так у нас в семье / было очень много трагичных судеб // Э / у некоторых членов нашей семьи // Э / для некоторых / э / вся эмиграция оказалась / сплошной трагедией / это очень такое индивидуальное явление // Счас / конечно / было бы даже грешно говорить / какая это для нас трагедия // Да / мы / бодем за Россию / мы живем её интересами / мы радуемся успехам России // Эм // Но вот так / знаете / взять / сорваться и переехать / когда-то мы об этом мечтали // Но с годами мы поняли / что это неосуществимо // Мы просто настолько / привыкли к другой жизни / к другим условиям / что мы / знаете / как тепличные растения / в суровой обстановке //

Зоя Кожевникова не называет себя австралийкой. Она воспринимает себя именно как представителя русской нации в Австралии:

Каждая национальность / которая приезжала в Австралию / они вот здешнюю культуру обогатили своим вкладом // О[н'э] понимают / что о[н'э] должны своим поведением / достойно нести честь русского имени / так как это нам всегда внушалось // Потому что по нам судят обо всей России // Если мы себя здесь не зарекомендуем с самой хорошей стороны / значит это будет рас[пра]няться / распространяться / извините / на всю Россию // [н]ачит все русские такие //

Наиболее частотные микротемы внутри данной гипертемы следующие: «Переселение в Австралию», «Адаптация к жизни в Австралии», «Отношение местного населения к эмигрантам в Австралии», «Воспитание детей в эмигрантских семьях в Австралии».

Рассмотрим особенности употребления лексических единиц в речи З. Н. Кожевниковой, выполняющих различные функции и способствующих передаче той особой атмосферы и особого настроения, присущих бывшей харбинской диаспоре.

Основу разговорной речи Зои Николаевны составляет нейтральная лексика. В ее устной речи также присутствует лексика книжная, устаревшая и разговорная. В зависимости от темы и микротемы рассказов в речи Зои Кожевниковой варьируется употребление книжной и разговорной лексики.

Книжные лексические единицы являются высокочастотными в речи З. Н. Кожевниковой. Приведем примеры книжной лексики, которую использует Зоя Николаевна: категорически [10], миссия [10], скитание [10], миновать [10], преследование [10], интеллигентный [10], красочный [10], искажённый [10], диверсант [10], осмысление [10], идеологический [10], побудить [10], психика [10], давление [10], предприимчивый [10], конгресс [10], соотечественник [10], путч [10], иждивение [10], обогатить [10], неоднократно [10], база [10], почва [10], всецело [10], востребовать [10], многострадальный [10], представительство [10], соприкасаться [10], нравственный [10], потрясающий [10], экстенсивный [10], менталитет [10], упадочнический [10] и др.

Большое количество книжной лексики делает устную речь З. Кожевниковой приближенной к письменной.

Устаревшая лексика присутствует, но не частотна: лихолетье [10], благодарственный [10], вклад (в знач. пожертвование, приношение куда-н.) [10].

В рассказах-воспоминаниях З. Кожевниковой используется и разговорная лексика: сорваться (в знач. стремительно сойти, удалиться, сдвинуться откуда-н.) [10], здешний [10], отсиживаться [10], недостаток (в знач. отсутствие средств) [10] и др.

Частотное использование разговорной лексики помогает Зое Николаевне выразить свое эмоциональное состояние, описать события экспрессивно:

Они переходили разбитый / разбомбленный амурский мост / в декабре месяце // Когда помню бабушка рассказывала эти кошмары / то мы / детьми / мы не понимали / что то такое //;

Тогда нас называли недорезанными буржуями / диверсантами / шпионами / и тому подобное //.

В работах исследователей по русскому языку восточного зарубежья отмечается наличие так называемой собственно харбинской лексики. «В состав указанной группы лексики мы включаем лексические и фразеологические единицы, возникшие в русской речи Харбина в начале и середине XX в. и функционирующие там активно на протяжении всего периода массового присутствия русских на этой территории и пассивно – после исхода русских из Харбина, но сохранившиеся в их памяти как отображения эмигрантской действительности» [9, с. 83]. В записанных рассказах-воспоминаниях Зои Николаевны не встретилась собственно харбинская лексика в представленном выше понимании, но присутствуют собственно харбинские особенности словоупотребления.

Так, имя собственное *Харбин* в формах косвенных падежей З. Кожевникова произносит с ударением на окончании, что не соответствует современной русской акцентологической норме, но является традицией харбинского произношения: «Русские харбинцы следовали своей, харбинской традиции в постановке ударения в этом слове, и это ударение служило им «лакмусовой бумажкой» для отличения своих – харбинцев, – от нехарбинцев» [7, с. 190].

Кроме того, в рассказах-воспоминаниях о Харбине частотно употребление имен собственных, называющих местные реалии:

Я думаю / с удовольствием / и с такими радостными красочными воспоминаниями / Харбин в основном вспоминают те / кто попали туда до / революции / при постройке КВЖД//;

Семья была большая / попали / значит / они значит в Харбин уже в двадцать первом году / и жизнь для беженцев в Харбинé была нелёгкая //.

Большую роль в социальной и культурной жизни эмигрантов играла религия и православная церковь. Православие, с одной стороны, способствует сохранению духовных ценностей, с другой стороны, является связующим звеном между реэмигрантами. На это указывают многие исследователи русских диаспор за рубежом: «Единственным фактором, объединяющим всех новоиспеченных австралийцев, и центром жизни русской общины была Русская православная зарубежная церковь. В Сиднее, Мельбурне и других крупных городах жизнь эмигрантов базировалась вокруг церкви, потому что туда ходили все, независимо от политических разногласий» [11, с. 27]. Поэтому неудивительно то, что в речи Зои Николаевны частотна лексика религиозной тематики:

Э / часто приходится слышать / потому что Россия в своё время слишком далеко отошла от **Бога** и от **церкви** //;

Но сейчас / за последние годы идёт такое возрождение / столько **храмов** восстановлено / **монастырей** / столько замечательного **духовенства** / что / мне лично кажется / это только вопрос времени //;

Я вот слежу по интернету / где сейчас проходят **православные** съезды молодежи / что проводятся в школах // Эм / очень важно / чтобы руководители / школ / понимали / что детей без **духовной** опоры / воспитывать невозможно //;

И язык потрясающий / и вот / по его произведениям / можно действительно изучать русскую историю / историю русского / русской такой бытовой жизни / **духовенства** / **церкви** //.

Отмечено также цитирование Библии:

Уход за пожилыми / да // Ну Вы же понимаете / и мы это все также великолепно понимаем // **Кому больше дано / с того больше спросится** //.

Это неудивительно, если учитывать и семейное происхождение Зои Николаевны: дед по отцу был священником, что обусловило ее православное воспитание.

Одной из ярких специфических особенностей русской речи Зои Николаевны Кожевниковой и ее рассказов-воспоминаний является использование фразеологизмов различной семантики:

1. Фразеологизмы, называющие эмоции и чувства человека, – это наиболее представленная в количественном отношении в ее речи группа фразеологизмов: *не в своей тарелке*;
2. Фразеологизмы, называющие свойства и качества характера человека: *сделал на совесть*;
3. Фразеологизмы, характеризующие явления и события: *само собою, проливать кровь, пути господни неисповедимы, по воле судьбы, по сей день, дай бог*.

Зоя Николаевна использует фразеологизмы разной стилистической маркированности: *бог с ними* (нейтр.), *по воле бо[жэ]й* (книжн.), *пути господни неисповедимы* (книжн.), *кро[в] проливали* (книжн.), *по сей день* (разг.), *от мала и до велика* (разг.).

Употребление фразеологических единиц в речи информанта является нормативным: сохраняется состав компонентов и их семантика. Однако встретились единичные случаи нарушения языковой нормы при употреблении устойчивых выражений:

Но это сейчас никому не секрет / об этом все знают //;

А вот в девяносто первом году / он понял / и как бы чаша дополнилась //.

Хорошее знание фразеологического фонда языка свидетельствует о высоком уровне владения русским языком нашим информантом и богатом словарном запасе. Использование русской фразеологии придает речи З. Кожевниковой особый колорит, усиливает её эмоциональность.

Большую часть жизни Зоя Николаевна прожила в Австралии. Однако анализ ее речи показывает, что англоязычное влияние в области лексики невелико. В речи З. Кожевниковой встречается всего несколько примеров употребления иноязычной лексики:

*Да // Сейчас я по компьютерам / я / как / информационный консуль / консультант по информационной технологии / это **information technology** / консультант* //;

*До компьютерной / в основном / воспитывала детей / потом преподавала русский язык в русской школе / **Homebush** //;*

*Казалось бы // А на деле было всё иначе // Дразнили / да / как это было принято / нас тогда называть **вогз / вогз / вогз** / это новоприезжие были / да // Но нет / это не самое такое ласковое / знаете / слово было //*

Итак, проанализированные нами рассказы о былом и настоящем, прозвучавшие в интервью с представительницей русской восточной эмиграции Зоей Николаевной Кожевниковой, бывшей харбинкой, реэмигрировавшей из Харбина в Австралию, демонстрируют ее богатый словарный запас; она свободно владеет фразеологией русского языка, цитирует литературные произведения и Библию, что свидетельствует о высоком уровне владения русским языком, несмотря на то, что большая часть жизни проведена ею вне метрополии. Речь Зои Николаевны разнообразна по своей эмоциональной и экспрессивной окрашенности, она живая, яркая и образная. Кроме того, рассказы З.Н. Кожевниковой представляют собой бесценный источник по истории русской восточной эмиграции в ее персональном преломлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравцов А. Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 878 с.
2. Гордеева С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китайязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 363. С. 16–19.
3. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
4. Старыгина Г. М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 263-269.
5. Шипановская Л. М. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации / Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6 Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 41–50.
6. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.
7. Анцыпова А. Н. Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. Вып. 3. С. 108–115.
8. Гаевская И. И. Первый Кубанский поход: проблемы быта участников в «Очерках русской смуты» А. И. Деникина / Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ», 2016. № 9. С. 86–92.
9. Оглезнева Е. А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 1. С. 81–92.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).
11. Кравцова В. С. Периодизация русской эмиграции в Австралию // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник научных статей по материалам II Международной студенческой научно-практической заочной конференции. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 26-31.
12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.